
ПАРОДИЯ НЕКРАСОВА НА ФЕТА

существенное в советское время всестороннее изучение Некрасова как великого художника слова привело, в частности, к тому, что исследователи поэта обратились и к тем его жанрам, которые ранее оценивались как «прозаические», в том числе к сатире. Стали изучаться приемы некрасовской сатиры, среди которых одним из важнейших является пародирование. О пародиях Некрасова много говорится в статьях о его сатире, а две статьи специально посвящены его пародиям. Это статьи А. М. Гаркави «Некрасов-пародист»¹ и Н. А. Портновой «Пародия Н. А. Некрасова».²

Наиболее поздней пародией Некрасова является стихотворение «Лето». Н. А. Портнова называет его «замечательным образцом пародии, передающей «дух» автора»,³ но уделяет ему лишь минимальное внимание; А. М. Гаркави только называет эту пародию, другие же исследователи вообще ничего не пишут о ней.

Приведем текст стихотворения по единственному автографу, хранящемуся в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина:

ЛЕТО

Умирает весна, умирает,
Водворяется жаркое лето.
Сердит муха, комар сноровляет
Укусить все роскошно одето!

Осызательно зреющий колос
Возвышается вровень с кустами.
По росе долетающий голос
Из лесов словно пахнет грибами...

---

¹ О Некрасове. Статьи и материалы. Ярославль, 1968, с. 65—87.

² Научные труды Барнаульского пед. ин-та, т. 20, 1972, с. 39—56.

³ Там же, с. 52—53.

По утрам продолжительны росы,
А к полудню жары чрезвычайны...

От шмелей ненавистных лошадки
Забираются по уши в волны.
Вечера соблазнительно сладки
И сознательной жаждою полны.

Прикликает самец перепелку,
Дергачи голосят сиповато,
Дева тихо роняет иголку
И спешит, озираясь, куда-то.

А. Фет

Две строки, обозначенные здесь точками, соответствуют двум ненаписанным строкам, место для которых Некрасов оставил. Незаконченность стихотворения (как и явно пародийный характер его) ясно свидетельствует о том, что это собственные стихи Некрасова, а не переписанное им стихотворение Фета.

Впервые это стихотворение было опубликовано в посмертной подборке «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова» в «Отечественных записках» (1879, № 1, с. 61) без подписи «А. Фет» и без третьей строфы, что придавало стихотворению вид законченного.

В собрания стихотворений Некрасова «Лето» стало включаться лишь в советскую эпоху; оно печаталось в том же виде, как в первой публикации, а два стиха 3-й строфы приводились в комментарии. Только в издании Большой серии «Библиотеки поэта» стихотворение напечатано в том виде, какой оно имеет в рукописи.

Во всех изданиях, в которые включено стихотворение, оно датируется 1854 годом (в издании «Библиотеки поэта» — предположительно). К. И. Чуковский, впервые включивший стихотворение в собрание сочинений Некрасова, датировал его так на том основании, что тогда была пора дружеской близости Некрасова с Фетом и время, когда Некрасов писал много дружеских эпиграмм. Такая датировка может быть подкреплена и другими аргументами. В пародии выявлены те особенности поэзии Фета, которые стали характерными примерно с 1853 года и в 1854-м могли быть подмечены и пародийно воспроизведены. Как мы убедимся далее, основные объекты некрасовской пародии — стихи Фета 1854 года. Возможна датировка стихотворения и следующим, 1855 годом.

В этом году поэзия Фета подверглась тщательному изучению со стороны основного ядра тогдашнего «Современника» — под руководством Тургенева и при участии Некрасова, Дружинина, Боткина. С середины 1855 года по предложению Тургенева, принятому Фетом, кружок «Современника» занялся скрупулезной (и очень самоуправной) редактурой стихов Фета для их нового собрания, которое и вышло в начале 1856 года. Редакторы Фета пристально всматривались в его стихи, осваивали его поэтику и старались ее преобразовать исходя из своих эстетических понятий.

Переходя к анализу пародии, замечу прежде всего, что по сюжету и построению она имитирует стихи Фета о природе, нисколько не напоминая стихов самого Некрасова на эту тему. Стихи Фета часто посвящены описанию природы в тот или иной сезон и строятся как перечисления примет наступившей поры. Таковы среди стихов Фета 1854—1855 годов «Еще весны душистой нега...», «Ласточки пропали...», «Первая борозда», «Весна на дворе».

Именно так — как перечисление примет наступившего лета — построена и пародия Некрасова.

Для Фета характерно стремление описывать не просто весну, лето, осень или зиму, но более короткие и тем самым более определенные отрезки сезона; Фет особенно любит описывать переходные, пограничные периоды от весны к лету, от осени к зиме и т. п. Характерны для Фета в описаниях природы противопоставления, выделяющие приход нового периода: еще — но, вчера — сегодня:

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
.....
Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях.¹

Еще леса стоят в дремоте,
Но тем слышнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.

(с. 139)

---

¹ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л. (Б-ка поэта, Б. с.), 1959, с. 136. Далее в этой статье при ссылках на это издание страницы указываются в тексте.

Еще вчера, на солнце млея,
Последний лес дрожал листом.
Сегодня вдруг исчезло лето;
Бело, безжизненно кругом.

(с. 160)

Вчера — уж солнце рдело низко —
Средь георгин я шел твоих,
И как живая одалиска
Стояла каждая из них.
А нынче утренним морозом
Они стоят опалены.

(с. 284—285)

В пародии Некрасова никакого перехода от сезона к сезону нет — описывается чрезвычайно жаркое лето, — тем не менее он начинает стихотворение пофетовски — формулой перехода от весны к лету:

Умирает весна, умирает,
Водворяется жаркое лето.

Фет дает признаки наступающей поры частично как сменяющие друг друга приметы определенной части суток:

Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.
Едва лишь в полдень солнце греет...

(с. 136)

Это конец зимы, когда снег только на дневном солнце подтаивает.

А вот приметы наступающей осени:

А вчера зарей
Всё грачи летали.

С вечера все спится,
На дворе темно.

Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

(с. 149—150)

И в тех стихах о природе, где нет установки на точную фиксацию примет сезона, Фет любит рисовать картину не одномоментную, но как бы движущуюся

во времени на протяжении какой-то части суток. Вот стихи, в которых вечер переходит в ночь:

Клубятся тучи, млея в блеске алом,—

а в конце:

Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И, как река, засветит Млечный Путь.

(с. 212)

В стихотворении «Над озером лебедь в тростник протянул...» (1854) сначала мы видим, как лес «зубцами вершин» «в заре потонул», а в конце:

Уж начали звезды мелькать в небесах.

(с. 259)

В «Вечере у взморья» (1854), где сначала

День бледнеет понемногу,—

а в конце

Ночь светлеет и светлеет,
Под луною море млеет.

(с. 241)

В пародии Некрасова учтен этот метод — те приметы, которые связаны с определенным временем суток, даны пародистом в последовательности:

По утрам продолжительны росы,
А к полудню жары чрезвычайны...

Вечера соблазнительно сладки.

Отмеченные выше особенности поэтики Фета 50-х годов связаны с основным свойством его стихов этого времени о природе. Как я уже писал, «явления природы у него описываются детальнее, предстают более конкретными, чем у его предшественников. В стихах Фета мы встретим, например, не только традиционных птиц, получивших привычную символическую окраску, как орел, соловей, лебедь, жаворонок, но и таких, как лунь, сыч, черныш, кулик, чибис и т. п. И каждая птица

показана в ее своеобразии. Когда Фет в стихотворении «Степь вечером» пишет:

И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрыпят коростели —

здесь в поэзию входят наблюдения человека, который определяет по голосу не только то, какая птица поет, но и где она находится, и какова сила звуков в отношении к обычной силе ее голоса, и даже каково значение услышанных звуков. Ведь в другом стихотворении («Жду я, тревогой объят...») в непроглядной тьме ночи коростель „хрипло подругу позвал“». ¹

О том, что эта особенность привлекла большое внимание современников, свидетельствует не только работа кружка «Современника» над текстами Фета, но и пародии на них.

Систематическое участие Фета в «Современнике» началось с 1854 года. В февральском номере этого года была помещена большая подборка — десять его стихотворений. Но в том же номере «Современника» в юмористическом приложении «Литературный ералаш» была помещена пародия «Нового поэта» «На дороге», ² в которой звучит насмешка над стихами Фета, помещенными в этой же книжке журнала: «Старый парк», «Степь вечером», «Лес», «Не спрашивай, над чем задумываюсь я...».

«Новый поэт» — псевдоним преимущественно И. И. Панаева; однако под этим псевдонимом печатались и стихи Некрасова, ³ и данная пародия могла принадлежать и ему. Стихам Фета из «Старого парка»:

Однообразный свист лишь слышен снегиря,
Да раздражает писк насмешливой синицы...

(с. 265)

соответствуют в пародии стихи:

Пронзительно кричит нахальная желна,
Трещит болтливый дрозд, и свищет трясогузка.

---

¹ Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974, с. 92—93.

² См. текст этой пародии в кн.: Поэты 1840—1850-х годов. Л. (Б-ка поэта, Б. с.), 1972, с. 374.

³ См. об этом мою ст.: «Некрасов в стихах „Нового поэта“». — Бухштаб Б. Я. Библиографические разыскания по русской литературе XIX века. М., 1966, с. 78—90.

Однако снегирь и синица — птицы достаточно традиционные в поэзии: вспомним снегиря у Державина и синицу у Пушкина. Здесь пародист, вероятно, вспоминает луня («Вот лунь проплыл, не шевеля крылом»), перепела («Там перепел откликнулся вдали») и коростелей из «Степи вечером». Подобные стихи пародирует и Некрасов в «Лете»:

Прикликает самец перепелку,
Дергачи голоса сиповато...

Интересны слова «желна», «дергачи». Желна — это вид дятла (дятел упоминается в «Лесе» Фета), а дергач — вид коростеля. Здесь, помимо необычных в лирической поэзии названий птиц, быть может, высмеивается та детализация фауны и флоры по видам и разновидностям, которая не одобрялась «пестунами» Фета, требовавшими замен, в результате которых китайская роза превращалась просто в розу («Фантазия»), а «роза центифольная» заменялась «лилией стыдливой» («Купальщица»).

Как и у Фета, в пародии Некрасова описаны голоса птиц и значение издаваемых ими звуков.

С детализацией связаны и прозаизмы Фета, часто поражающие в его стихах и сами по себе, и соседством с заведомыми поэтизмами. В пародии мы не случайно находим такие слова, как «водворяется», «сноровляет», «прохладительны», «чрезвычайны», «самец», «голосят сиповато». И тут же — «вечера соблазнительно сладки», «все роскошно одето». Ср. в пародии «На дороге»:

Роскошный чернозем подернул падший лист...

У Фета в самом деле конкретность наблюдений и, соответственно, прозаические слова сочетаются с поэтизмами. «Можно отметить постоянное употребление таких эпитетов, как «волшебный», «нежный», «сладостный», «чудный», «ласкательный» и т. п. Этот узкий круг условно-поэтических эпитетов прилагается к широкому кругу явлений действительности. Вообще эпитеты и сравнения Фета нередко страдают нарочитой «красивостью». (...) Но это не оправдывает распространенного определения поэзии Фета как «эстетского» искусства. Поэзии Фета нельзя понять, если не видеть, что элементы условной красоты спаяны в ней с живым, конкретным и сильным отражением реальности».¹

¹ Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. — В кн.: Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л. (Б-ка поэта, Б. с.), 1959, с. 60—61.

Эпитет «роскошный» находим у Фета в стихотворении 40-х годов «Свеж и душист твой роскошный венок...».

Непосредственно после строк о перепелке и дергаче в пародии следуют строки о деве:

Дева тихо роняет иголку
И спешит, озираясь, куда-то.

Тут пародируется свойственная Фету постановка человека в один ряд с явлениями природы, как бы охваченного теми же чувствами и побуждениями, столь же бессознательно и мощно, как и живая природа. Так, весеннее возрождение, разливающееся повсюду, захватывает в финале стихотворения «Еще весны душистая нега...» (1854) и девушку. А в стихотворении (все того же 1854 г.) «Первый ландыш» сравнение девушки с ландышем подчеркивает бессознательность, инстинктивность ее переживаний:

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем — неясно ей самой, —
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

(с. 138)

Эта неосознанность, инстинктивность стремлений девушки выражены в пародии бессознательным движением («Дева тихо роняет иголку») и заключительным словом пародии — «куда-то». Один из центральных в мировоззрении Фета мотивов «бессознательной силы» природы, действующей в человеке, как и во всем органическом мире, приводит к постоянным в его стихах «не помню», «не знаю», к тем «где-то» и «что-то», которые пародировал и Тургенев в не вполне пристойном отрывке, начинающемся словами «Где-то что-то веет, млеет...».¹ Возникающее поэтому впечатление «смутности» переживаний лирика вместе с пресловутой «непонятностью» стихов Фета высмеяны в последних строках пародии «На дороге»:

И все мне кажется, как будто бы сквозь сон,
Что сразу угадать мой стих никто не может!..

---

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. М.—Л., 1963, т. 6, с. 292.

Инстинктивное, стихийное усматривается Фетом и в живой природе, и в человеке. Природа у Фета очеловечена, как ни у одного его предшественника или современника. Это отмечено в пародии словами: «Вечера... сознательной жаждой полны». Жаждой чего? Дополнения к слову «жаждой» нет — как и у Фета в раннем (1843) стихотворении:

...лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой.
(с. 254)

И в позднем (1879):

Я рад, когда с земного лона,
Весенней жажде соприсуш,
К ограде каменной балкона
С утра кудрявый лезет плющ.
(с. 142)

Наибольшей остротой отличается, несомненно, вторая строфа пародии. Наблюдение, что колосья «возвышаются вровень с кустами» — очевидно, на краю поля, — само по себе не пародийно, но оно типично фетовское: недаром несколько лет спустя (в 1859 г.) Фет начал стихотворение аналогичным наблюдением:

По ветви нижние леса
В зеленой потонули ржи.
(с. 477)

Но останавливает внимание эпитет к колосу — «осязательно зреющий». Это, я полагаю, пародийная критика такого места из «Степи вечером»:

Все степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.

«Рожь волнуется» и «рожь наливает» однородные, одномоментные, связанные впечатления. Эпитетом «осязательно зреющий» Некрасов хотел подчеркнуть, что созревание зерна — это процесс длительный, а не такое явление, которое взгляд прохожего может «осязать».

Два последних стиха второй строфы наиболее парадоксальные в пародии:

По росе долетающий голос
Из лесов словно пахнет грибами.

Тут пародируются «эстетические» образы Фета, слияние звука с цветом и светом, типа:

Уноси мое сердце в звенящую даль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

(с. 182)

Или:

И, на волне ликующего звука
Умчась вдаль, во мраке потонуть.

(с. 281)

Ср. в пародии Минаева:

Грезит он, что в руки
Звук поймал,— и вот
Он верхом на звуке
В воздухе плывет,
Птицы ж щебетали:
— Спой-ка нам куплет
О «звенящей дали»,
Афанасий Фет.¹

Фет сливает зрительные ощущения с термическими («горячий свет», «мороз сияет») и — формально — даже слуховые с обонятельными («благовожные речи»).

Некрасов также сливает слуховые ощущения с обонятельными («голос... пахнет грибами») и как будто еще и со зрительными («голос летит по росе»).

Середина 50-х годов — это время, когда Некрасов особенно высоко ценил поэзию Фета. В 1856 году по поводу выхода собрания стихотворений Фета он писал: «Смело можем сказать, что человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою ее ощущениям, ни в одном русском авторе после Пушкина не почерпнет столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет» (9, 279).

Тем самым Некрасов ставит в эту пору Фета как художника выше Лермонтова и Тютчева.

С 1854 года Фет становится ведущим поэтом «Современника». В течение четырехлетия (1854—1857) его

---

¹ Поэты «Искры». Л. (Б-ка поэта, Б. с.), 1955, т. 2, с. 134.

стихи по количеству значительно преобладают в журнале над стихами других поэтов, в том числе и самого издателя, не говоря уже о трех других авторах, постоянно печатавшихся в «Современнике», — Полонском, Майкове, Алексее Толстом.

Пародия «Лето» показывает, что при всем восхищении поэзией Фета Некрасов остро ощущал те черты его художественного метода, которые были чужды его собственной поэтике, и подсмеивался над ними. Пародия раскрывает перед нами тонкость художественного восприятия Некрасова, критическую пронизательность и дар пародиста, тем более удивительный, что мы ведь имеем здесь дело с незавершенным, недоработанным наброском.